

[00:03:17]

Объявление: Для открытия Московского экономического форума на сцену приглашаются Константин Бабкин, президент промышленного союза «Новое содружество», Руслан Гринберг, сопредседатель форума, научный руководитель Института экономики РАН.

Константин Бабкин: Добрый день, друзья. Хотел бы также, чтобы на сцене присутствовал Александр Михайлович Сергеев, президент этого дома, президент РАН, прошу вас принять участие в открытии нашего форума.

Руслан Гринберг: Уважаемые дамы и господа, товарищи, коллеги! Мы сегодня проводим VI МЭФ. Сам по себе форум стал уже событием. Все-таки главная черта его – сопоставление различных точек зрения, истинный плюрализм. Мы, конечно, единомышленники по основным вопросам, но бывают у нас и расхождения. Должен сказать, что в этот раз мы впервые проводим форум в здании РАН. Хочу специально поблагодарить президента РАН Александра Михайловича Сергеева. Нам предстоит серьезное обсуждение. Поскольку положение в экономике в принципе не улучшается, вялая экономическая активность, недостаток креативных предложений. Мы все в ожидании нового правительства. Надеемся, оно будет более эффективным, чем теперешнее. Я желаю вам всем хорошей работы и вообще хорошей жизни.

Александр Сергеев: Уважаемые коллеги! Должен признаться, наверное, я выступаю на первом экономическом форуме в моей жизни. Для меня очень важно, что это МЭФ, который проводят экономисты, ученые, для которых роль науки в стратегическом планировании, планировании социально-экономического будущего страны, является очень важной.

Этот форум проходит в нашем здании, здании РАН, и я очень надеюсь, что это место, этот зал станет для вас удобным, привычным и в конце концов родным, чтобы последующие форумы проводились здесь.

Я хочу приветствовать участников форума. Скажу несколько слов о том, что я думаю о текущем экономическом моменте и как этот момент связан с развитием науки.

Мы вступили в новый шестилетний срок развития страны. Слышали программу президента, изложенную по существу в послании Федеральному собранию. Мы все понимаем, что мы находимся в начале траектории роста. И понимаем, что наша общая задача заключается в том, чтобы уклон наклона этой траектории был как можно больше.

Мы также понимаем, что это можно обеспечить только в том случае, если наша экономика будет развиваться темпами больше среднемировых, и однозначно это может быть только в том случае, если наука станет локомотивом роста. Причем не простым локомотивом роста, развитие нашей науки и технологии должно быть высоким не только в сравнении с другими неинновационными секторами нашей экономики, они должны быть больше, чем темпы роста инновационных секторов зарубежной экономики. И встает

вопрос, можно ли это обеспечить в условиях сегодняшней технологической отсталости, которую мы все признаем?

Какие для этого существуют необходимые условия, чтобы это в принципе можно было реализовать? И достаточные, чтобы мы потом еще все вместе потрудимся.

Коротко перечислю несколько тезисов, потом их разовью. Первый момент, очень хорошо было сказано сопредседателем форума, что мы можем угнаться только в том случае, если включим всю нашу креативность. В отношении науки это тоже очень правильно. Мы должны раскрепостить труд ученого. Должны отказаться от этого безумного нормирования труда, которого не было ни в советское, ни в российское время. Должны отказаться от этой наукометрии, от которой уже передовые страны отказались. На первый план должна выйти креативность, и только за счет креативности в условиях небольших экономических ресурсов мы можем на что-то надеяться.

[00:10:43]

Мы должны внимательно посмотреть на проблему утечки интеллекта из страны. Мы почему-то боимся утечки долларов, считаем каждый месяц, сколько туда, сколько сюда утекает долларов. Почему-то никто не считает, как у нас интеллект из страны утекает.

Даже с очень высоких трибун иногда можно слышать, что мы не боимся утечки мозгов. Мне кажется, этого как раз надо больше всего бояться. Нужно создать условия, чтобы интеллекту в этой стране было комфортно и удобно жить.

Здесь же встает вопрос о том, как нам обеспечить правильное втекание мозгов и интеллекта в нашу науку, экономику. И здесь опять очень серьезные задачи, которые мы должны решить, прежде всего связанные с тем, чтобы эта траектория, эта карьера ученого была привлекательной в стране. У нас престиж ученого очень невысок в стране, и вообще это начинается со школы. Мы обязательно должны в этом начале траектории провести существенные изменения. Мы должны вернуть научную часть обучения в школы, мы должны вернуть физику и математику. Я считаю, мы должны отказаться от ЕГЭ. Мы должны в конце концов после двух лет разговоров об аспирантуре вернуться к нормальной аспирантуре, которая есть первая ступенька научной деятельности.

Очень важным является вопрос ресурсного обеспечения, мы дальше о нем еще поговорим.

Недавно мы обсуждали проблему инструментализации нашей науки. Даже если зарплаты выросли, даже если ученые готовы работать, реально нет нового передового инструмента, чтобы это делать. Темпы обновления научного парка у нас такие, что если они продолжатся, мы сможем обновить его только через сто лет. Это, конечно, нелепо.

Важнейший вопрос – внедрение научных достижений. Долина смерти, о которой мы говорим, реально существует и никак не проходит. Есть хорошие разработки,

промышленности они не нужны. Ученые ругают промышленность, что она не берет то, что есть, а промышленность не берет, говорит, что это неинтересно.

Эта зона должна быть зоной повышенного внимания. Необходима договоренность власти с бизнесом, чтобы эту зону проходить.

И последнее. Очень важно вернуть функции стратегического планирования науке. Здесь роль РАН может быть очень большой. Вы, наверное, все знаете о законопроекте, который внес президент относительно актуализации роли РАН. Я считаю, мы должны на него правильно откликнуться.

Вообще РАН должна существенно активизировать свою деятельность, мяч сейчас на нашей стороне. И то, что вы в этом зале, это хорошая примета, в том числе для того, чтобы РАН вернула такую функцию стратегическому прогнозированию и планированию в стране.

Я вас поздравляю с открытием этого форума. Всего вам самого хорошего, успехов, новых мыслей и креативности.

Константин Бабкин: Друзья, Александр Михайлович отметил, что ему нечасто приходится выступать на экономические темы, но для этого наш форум и собирается, организовывается. Здесь вообще мало или почти нет профессиональных политиков. Каждый из нас что-то делает на своем рабочем месте: преподает, созидает, учится, пишет статьи и так далее. При этом политика совершается где-то наверху, принимаются экономические решения, от которых мы все зависим.

[00:15:32]

При этом происходит странная вещь. Странна, которая обладает огромными традициями в созидании, обладает одним из величайших научных учреждений в мире, РАН, 300-летняя, которая внесла огромный вклад в развитие человечества. В стране, где огромные традиции в производстве, в сельском хозяйстве, развития как такового не происходит. Мы отстаем от тех темпов, в которых развиваются другие страны. Это нас всех не удовлетворяет. У нас есть рецепты вывода страны из этого неестественного состояния. И эту ситуацию, эти рецепты мы сегодня и завтра будем обсуждать.

Я рад всех вас видеть. Мы сегодня видим, что у нас полный зал, полторы тысячи человек на форуме, на это рекорд за шестилетнюю историю нашего форума. 250 человек представляют прессу, большое внимание со стороны общественности. Я желаю вам всем плодотворной работы и успехов в вашем труде. Спасибо!

Объявление: Константин Бабкин, сопредседатель промышленного союза «Новое содружество», Руслан Гринберг, сопредседатель форума, научный руководитель Института экономики РАН. Александр Сергеев, президент РАН. Сергей Глазьев, академик РАН. Павел Грудинин, директор ЗАО «Совхоз им. Ленина». Оксана Дмитриева, член Бюджетно-финансового комитета Заксобрания Санкт-Петербурга. Роберт Нигматуллин, академик РАН, научный руководитель Института океанологии им. Шершова. Борис Титов,

уполномоченный при президенте РФ по защите прав предпринимателей. Виталий Гнатышин, гендиректор Читинского керамического завода «Мир».

Константин Бабкин: Уважаемые друзья!

Наша первая пленарная дискуссия носит название: «Будущее России. Вызовы, стратегии, механизмы достижения успехов».

Есть ли в современной России своя стратегия, свой образ будущего? То, как мы видим действия правительства, как таковой идеологии у нас нет и нет в стратегии, и эта норма закреплена в Конституции, что в России запрещена идеология.

Я внимательно наблюдаю, и мне кажется, идеология в России есть – это либерализм. Правительство живет в идеологии либерализма. Хотя это учение притворяется не идеологией, но так или иначе наше правительство ставит во главу угла интересы личностей, мировых корпораций, при этом интересы государства отодвигаются на второй и третий план. Эта идеология приводит к тому, что приветствуется обогащение отдельных личностей, мы видим, что растет расслоение, и видим, что мировая финансовая элита получает выгоды, извлекает из России ресурсы, деньги, при этом эти деньги не идут на развитие нашей страны. Все это движение укладывается в идеологию либерализма.

[00:20:00]

Та ли это идеология, которая сегодня отвечает интересам нашей страны? Какова должна быть правильная идеология, которая позволила бы нам всем превратить нашу страну в цветущий сад, в место, где выгодно производить, в комфортное место для проявления своих талантов, в комфортное место для созидания.

Мы обсудим эти стратегии, какие сегодня востребованы, актуальны для нашей страны. Здесь присутствуют спикеры, которые не просто участвовали в написании данной стратегии, но и недавно попытались получить рычаги реализации стратегии, которая им нравится. Обсудим, как реализовать эти стратегии. Можно иметь образ будущего, прекрасные мечты, но при этом неправильно их реализовывать. Приведу пример из актуальной практики: правительство гордится тем, что у нас развивается сельское хозяйство, растет экспорт продовольствия, президент и министр сельского хозяйства обещают продолжение сельского хозяйства, всячески поддерживать увеличение производства зерна, мяса, молока и других продовольственных товаров.

В декабре министр сельского хозяйства Александр Михайлович Ткачев объявил, что будут выданы льготные кредиты для крестьян для модернизации хозяйств. Но не объявил, когда эти кредиты будут выданы. Прошло уже три месяца, крестьяне ждут этих мер поддержки и не вкладывают деньги в свое развитие, хотят получить поддержку и вложить свои средства наиболее выгодным образом. Инвестиционный процесс на три месяца затормозился. Продажи комбайнов упали в России на 30% по сравнению с предыдущим годом. И мы не знаем, когда эти кредиты начнут выдаваться, когда наконец начнется инвестиционное движение в сельском хозяйстве.

Я иллюстрирую идею, что можно иметь прекрасный образ будущего, говорить много о развитии села, при этом на практике вести дела так, что это развитие тормозится, не происходит, наоборот, происходит откат назад.

Эту ситуацию, эти проблемы, образ будущего, который нам нравится, и методы правильной реализации наших намерений мы сейчас обсудим.

Хочу еще раз предоставить слово Александру Михайловичу Сергееву. Если бы вы еще сказали про дальнейший ход реформы РАН и развитие экономики нашей страны, нам было бы интересно.

Александр Сергеев: Действительно на начинающемся этапе жизни нашей страны, роль науки, технологий становится совершенно очевидной. Даже из того, что мы знаем, что те высокие темпы, которые демонстрируют страны наукоориентированные, технологически развитые, они как раз базируются на умении очень быстро внедрять достижения науки в рынок. Никакого другого пути быстрого развития нет. Да, на каких-то периодах можно обеспечить путем организационных мер, иногда, может, организационно-принудительных мер какой-то рост, но ясно, что в условиях рыночной экономики двигателем является умение быстро доводить новые идеи, разработки до производства и до рынка.

У нас в этом отношении ситуация, наверное, плохая. Здесь есть и объективные, и субъективные причины. Наверное, объективная причина в том, что мы очень быстро прыгнули из одного социально-экономического уклада в другой, захотели сразу быть похожими на самых-самых. Быстро переорганизовать и образованию, и науку там, как это сделано там. Но результат в том отношении, что наука должна была стать производительной силой экономики, мы не получили.

[00:25:16]

Да, мы находимся в совсем другом укладе. Раньше государство у нас заботилось о всех этапах этого продвижения, от получения результата до промышленного выхода. Была отраслевая наука, которая сейчас в значительной степени исчезла. Мне кажется, государству нужно сейчас обратить самое серьезное внимание именно на этот промежуток от научного результата до рынка.

Казалось бы, это место, где должна работать сама экономика. Она же должна стремиться хватать эти результаты, выискивать их, вбрасывать в производство, в рынок. Но наверное, другой объективной причиной, почему это не происходит, является то, что экономика у нас имеет в основном сырьевую ориентацию. Не хочу сказать, что сырьевой экономике ориентация не нужна, это совершенно неправильно. Но все-таки она живет не на этом. Продукт, который она поставляет, это продукт, который был и 10, и 20, и 100 лет назад – нефть, газ.

Да, можно строить новые платформы, покупать и разрабатывать новые буровые установки, но это старый продукт, это не продукт инновационной экономики. И это другая объективная причина.

Ведь то стремительное развитие, которое мы сейчас наблюдаем в Корее и в Китае, оно связано с тем, что эти экономики очень быстро научились брать что-то в разработку и вбрасывать в рынок. Мы этого делать пока не умеем.

Как нам научиться это делать? Можно посмотреть на разные страны, как это устроено. смотреть на США, думаю, нам не надо, у них совсем другая история развития, они долго шли к такой системе.

Наверное, нам трудно брать пример с Китая, поскольку экономика Китая гигантская, и они могут позволять себе вбрасывать в то, что они хотят, гигантские средства. Может, больше внимания обратить на Корею. Корейская модель развития, когда эта долина смерти, когда нужно перейти от разработки к рынку, проходится за счет соглашения, которое существует между государством и крупными компаниями. И те, и другие вкладывают туда, причем вкладывают средства координировано.

Нам кажется, этот вопрос можно обсудить нормально и с нашими госкорпорациями, крупными частными корпорациями. Да, они вкладывают какие-то средства в науку, и я знаю, что Росатом, наверное, наша самая технологичная государственная корпорация, заведомо вкладывает средства в науку. Но должна быть некая ответственность крупного бизнеса за то, чтобы вкладывать не только в науку, которая нужна тебе. Нужно вместе с государством определить, каким образом все мы вскладчину будем финансировать неработающую часть нашей цепочки.

В чем здесь экономическая проблема? С одной стороны, государство свою функцию уже выполнило, оно профинансировало фундаментальную науку. Не только государство должно финансировать фундаментальную науку, это понятно. Фундаментальная наука – дело очень рискованное. Мы как-то прикидывали, до 80% того, что ученые обещают, оно не выполняется. Но при этом получают результаты, которые невозможно было предсказать, когда начинался проект данной программы. В этом суть фундаментальной науки – открытия непредсказуемы. И это в фундаментальной науке надо ценить. Никакой бизнес ее финансировать при таком риске не будет. Если мы переходим ко второй части, о которой я в основном говорю, казалось бы, государство уже не должно вкладывать туда средства, должна прийти промышленность. Но там риск по-прежнему остается достаточно большой, 50%, столько бизнес рисковать тоже не будет.

[00:30:23]

Здесь нужно соглашение и понимание бизнеса, что мы должны совместно эту часть профинансировать. Риски должно брать на себя государство. Не получилось – за счет государства. Но если получилось, и бизнес получил результат, который быстро внедряется

и получается прибыль, он должен вернуть существенно больше в эту серединку, чем он вложил.

Думаю, одна из задач РАН заключается в том, чтобы быть таким переговорщиком между властью и бизнесом, чтобы убедить и тех, и других, что мы должны сообща, засучив рукава, взяться за то, чтобы у нас заработала эта сквозная цепочка от науки до рынка.

Константин Бабкин: Спасибо. Очень важная мысль, что наука без производства, промышленности, без реального производства не живет, и реальное производство не живет, не развиваясь, не внедряя научные достижения, не двигаясь вперед, не находясь на острие технологического прогресса. И задача всей государственной политики в том, чтобы укрепить, наладить, восстановить эту связь и тем самым сделать нашу страну технологически и экономически успешной. Надеюсь, в итоге в результате реформы РАН эта связь будет как-то восстановлена, хотя путь впереди немалый.

Глазьев Сергей Юрьевич, член редакционного совета «Российского экономического журнала», экономист, публицист, академик РАН.

Сергей Глазьев: Наша главная задача – не дать заболтать те цели опережающего развития, о которых говорил президент, обращаясь к Федеральному собранию в дальнейших своих выступлениях, выйти на траекторию опережающего развития, добиться технологического рывка, и эта задача совершенно реальна.

Совершенно очевидно, что эта задача реальна. Загрузка наших производственных мощностей составляет около 60% и имеет тенденцию к снижению, при этом тенденция к снижению загрузки мощностей касается не только старых мощностей, но и новых, введенных в течение последних лет. Не только со стороны производственных фондов у нас нет ограничений, у нас нет ограничений со стороны и научно-технического потенциала. Академик Сергеев говорил о том, насколько трудно нам удастся реализовать те наработки, которые в науке имеются. Нет ограничений в сырьевом потенциале. Можно увеличивать переработку продукции в разы.

Нет ограничений в трудовых ресурсах, в условиях ЕАЭС у нас общий рынок труда превышает потребность в рабочей силе. У нас вообще нет ресурсных ограничений. Мы можем совершенно спокойно выходить и на 5% в год, которые от нас требует глава государства, и обеспечивать выход до 10% в год.

Нам не удастся реализовать программу развития, потому что в течение многих лет наша экономика функционирует как донор мировой финансовой системы. Капитал вместо того, чтобы вкладываться в развитие экономики, уходит за границу. И последние четыре года политика ЦБ и денежных властей по поддержке сверхдоходности на нашем финансовом рынке, погрузила нас в спекулятивную ловушку. К нам приходит иностранный спекулятивный капитал, получает свои 20-40% на carry trade, уходит от нас вместе со сверхприбылями, и цена такой финансовой зависимости, из-за того что ЦБ у нас так и не научился организовывать кредит в экономике, практически остановлен

трансэмиссионный механизм банковской системы, экономика переходит на внешние источники финансирования, и в таком неэквивалентном обмене наши потери составляют порядка 100 млрд долларов ежегодно. Это не менее 6% ВВП, которые мы теряем в той части, которая должна вкладываться в инвестиции.

[00:35:06]

Так эта система воспроизводства капитала выглядит в разрезе. Вы видите, если говорить о негосударственном секторе, он почти полностью офшоризован. У нас примерно 100 млрд в год крутится ежегодно между российской экономикой и офшорами, из которых 50 млрд возвращается обратно дорогих денег, в то время как уходят они без налогов, и 50 млрд растворяется неизвестно где.

Все это результат примитивной архаичной денежной политики, которая лишила нашу экономику кредита, поэтому наши предприятия вынуждены уходить за кредитом за границу, и вплоть до последнего времени, до введения санкций, вывозить туда и права собственности, и накопленные капиталы, объем которых составляет уже около триллиона. Причем мы видим только половину этого триллиона в офшорах, остальная половина триллиона исчезла.

В итоге мы находимся в негативном балансе с внешним миром, и в такой ситуации дальнейший расчет на то, что запад нам поможет или восток нас вытащит, абсолютно необоснован. Мы в этом обмене с внешней финансовой средой теряем больше средств, чем получаем.

Нам необходим переход на стратегию опережающего развития, и эта стратегия не может быть простой. Первые шаги были сделаны, по инициативе президента принят закон о стратегическом планировании, но к сожалению, он был отложен на три года, и с этого года мы должны его внедрять.

Как это делать? Должна быть реализована смешанная сложная стратегия развития из трех составляющих. Первая составляющая – опережающий рост нового технологического уклада. Темпы подъема этого уклада составляют в среднем 30-40% в год. Ядро составляют нанобиоинженерноинформационнокогнитивная технология, аддитивная технология. Здесь мы имеем дело с технологической революцией, связанной со сменой технологических укладов, и нам нужно делать ставку на опережающий рост этих новейших производств, модернизацию экономики на их основе.

Вторую стратегию мы называем динамическое наверстывание. Это переход на передовой технический уровень там, где нам хватает научно-технического потенциала. Это авиакосмическая отрасль, ядерная промышленность и так далее, где темпы роста тоже могут быть двузначными, если мы будем переводить наш авиапарк обратно на отечественные технологии.

Наконец, стратегия догоняющего развития на основе прямых иностранных инвестиций, где мы отстали безнадежно. И здесь возможны высокие темпы роста.

Четвертая стратегия – повышение добавленной стоимости в экономике за счет углубления переработки сырья. Здесь объемы выпуска продукции могут быть увеличены в разы. По всем четырем стратегиям темпы роста могут быть двузначными. Вопрос, как эти стратегии реализовывать. Для этого должна быть запущена система стратегического планирования, опирающаяся на ГЧП, развернута сеть специнвестконтрактов, которые должны соединить обязательства бизнеса по модернизации внедрения новых технологий с обязательствами государства по предоставлению стабильных условий работы, а также дешевых, доступных долгосрочных кредитов. Это важнейшая составляющая этой стратегии. Кредиты, по образному выражению академика Абалкина, это авансирование экономического роста. А процент за кредит, как писал Шумпетер, это налог на инновации.

И здесь роль науки, о которой говорил академик Сергеев, фундаментальная. Этот диалог науки, власти и бизнеса должен дать нам приоритеты. Это сеть стратегических целей, программ и индикативных планов их реализации через ткань договоров государства – бизнеса, используя специнвестконтракты.

Денежная политика должна быть сориентирована на рост инвестиций. Это фундаментальная задача. В предыдущем хозяйственном укладе мир перешел на фиатные деньги, обеспеченные ростом обязательств предприятий и государства. Цифровая революция в денежном обращении дает нам возможность перейти к целевому кредитованию и использовать деньги как инструмент. Надо отказаться от денежно-монетарного фетишизма, отказаться от архаично-средневековой политики, навязанной нам монетаристами, и использовать деньги как инструмент экономической политики, поддержки инвестиционной и инновационной активности. Меры, которые нам необходимо реализовать, перечислены в этой таблице. Не буду зачитывать, желающие могут ознакомиться с презентацией.

Константин Бабкин: Спасибо, Сергей Юрьевич. Мы все знаем, что Россия может развиваться, что возможна стратегия развития. Все ждем, когда эта стратегия будет реализована.

[00:40:23]

Здесь еще один автор стратегии экономического роста Борис Юрьевич Титов, может, у него узнаем.

Борис Титов: Спасибо. Я хотел бы начать с того, что я представляю большую группу экспертов, в том числе сидящих здесь на сцене, но главное, что еще представляю большую группу предпринимателей, которые достаточно давно, еще до кризиса, начали задумываться над тем, что если государство не хочет писать нормальную системную научную стратегию развития страны, то мы должны ему в этом помочь. И Столыпинский клуб тогда инициировал начало написания стратегии для России, которую мы назвали стратегией роста, а потом было поручение президента о доработке этой стратегии. Она в завершеном виде еще с февраля прошлого года обсуждается у нас в обществе.

Я не хотел бы останавливаться на отдельных деталях этой стратегии, хотя здесь есть основания, чтобы мы начали работать, это экономическая ситуация в стране, прежде всего для бизнеса. Видите, как падает рентабельность российских предприятий, которая не оставляет никаких шансов для развития России. Мы видим прежде всего проблему в развитии экономики в том, что риски не соответствуют доходности в стране. Это изменение произошло, и сегодня мы не видим оснований, нет источников роста российской экономики.

Опыт других стран преодоления экономического отставания. Мы видим в стране внутренний запрос, потому что и бизнес, и просто люди на первое место среди всех проблем ставят именно отсутствие стратегии. Любая страна должна иметь план реализации этой стратегии. Любая страна должна иметь четкий план того, что же мы хотим и что мы должны делать. Это очень хорошо понимают и бизнес, и люди. В других странах всегда понимают стратегии. Хотел бы показать это на слайде, вы видите, допустим, Казахстан, у него была стратегия 2030, она уже завершена в 2014 году. Она уже реализована. Сейчас у них есть стратегия 2050, 100 шагов, главные дорожные карты, и они сегодня реализуют эти стратегии.

Стратегия Саудовской Аравии, очень похожей страны, где главная задача – выстраивание диверсификации экономики и уход от сырьевой зависимости. У всех есть стратегии. Так нас окружают стратегии.

Очень важно, что в России даже есть законодательная основа. Мы же приняли в стране закон №172 о государственном стратегическом планировании. Закон есть, а стратегии нет. До сих пор переносится, и никто не приступил этому. Более того, сейчас идет обсуждение, что же будет после президентских выборов. Мы все президентские выборы посвятили именно задаче популяризации нашей стратегии роста и необходимости принятия стратегии в стране.

К сожалению, сегодня опять идет вопрос об указах, о национальных приоритетах, национальных проектах, но вопрос о стратегии по-прежнему не ставится.

В нашем законе даже есть упоминание о так называемом федеральном органе исполнительной власти, который должен выступать в качестве штаба реформ. И это первый шаг, который очень важен для страны – создать штаб реформ, создать центр, который выполнял бы такие функции. Прежде всего это функции анализа больших баз данных российской экономики, мы сегодня это делаем в Институте стратегии роста, анализируем экономику не как Росстат, у нас есть своя оценка.

Второе. Он должен заниматься стратегическим планированием. Мы считаем, это должно быть 5, 15, 30 лет. Это должна быть очень важная функция. Конечно, индикативного планирования, но эта функция должна быть. И кроме того он должен заниматься контролем за ходом реализации реформ. И еще вводить систему проектного финансирования. Не ту, что была у нас раньше и называлась проектным финансированием, а реального научного проектного финансирования. Мы предлагаем

целый комплекс проектов кластерного развития по отдельным отраслям и регионам России, у нас больше ста кластерных инициатив, и часть из них реализуется.

[00:45:36]

Все это происходило во всем мире одинаково. Везде обязательно был создан штаб реформ. Отделялось управление развитием, выделялось из управления текущим состоянием. Такие delivery units стали очень модным словом, возникли в Великобритании, но сегодня это и Малайзия, Индонезия. Очень компактный штаб реформ, прописанный во всех странах. Он себя очень серьезно показал. Это очень современный формат управления развитием.

Мы предлагаем создание центра управления программами развития при президенте РФ, который бы эти функции, о которых я сказал, и выполнял бы. Тем более есть задача проектного управления, что есть кластеры, которые можно было бы делать сегодня локомотивами развития экономики. Локомотивами нового экономического роста.

Главное, что сегодня нужно преодолеть, убедить всю страну, и прежде всего руководство страны, что вообще развитие возможно. Что та экономическая политика, которая реализовывалась последние 20 лет, в принципе давала свои результаты. Политика жесткой финансовой макроэкономической стабильности давала высокие результаты, но тогда, когда были высокие цены на нефть, когда доходы были гарантированы. В новой ситуации эта политика уже не будет давать результатов, нужна новая стратегия развития, которая активировала бы новые источники роста в российской экономике.

Здесь мы можем спорить, какие источники роста главные. Я смотрел предложения Сергея Юрьевича, там много нового для меня. Институты развития важны, но мы считаем, очень важна экономика простых вещей, как ее назвал Яков Моисеевич Миркин, наш научный руководитель. Это самые базовые вещи, которые у нас в стране практически не производятся. Это малый и средний бизнес производственный, который очень важен для развития экономики.

Мы можем здесь спорить, но мы должны быть убеждены в том, что сможем реализовать эту стратегию, и убедить в этом необходимо руководство страны. Тем более один раз мы уже проходили эти реформы. Мы все время ориентируемся на Столыпина, но это были действительно реформы одни из самых эффективных не только у нас в стране, но за всю историю мировую.

Посмотрите, самый важный фактор – это демография. За 10 лет, в середину которых попали демографические реформы Столыпина, население приросло на 32 млн человек. За счет чего? Экономика простых вещей. Дать экономические возможности, чтобы это реализовать: Столыпин дал землю, капитал, дал средства производства. И Россия стала другой страной.

Давайте сосредоточимся. Можем дискутировать о деталях, но две вещи очевидны: сегодня нужна стратегия. Другими путями мы не добьемся, только комплексный план,

научно подготовленный, в соответствии с законом о стратегиях. И второе – для этого нужен штаб реформ. Выделить специальный институт, который бы занимался и планированием, и контролем, и проектным управлением. Все бы мы могли на этой почве объединиться и потребовать сегодня, чтобы именно так строилась экономическая политика нашей страны. Этот институт должен выработать стратегию на первом этапе своей работы, наладить систему анализа больших баз данных чисел российской экономики, и заняться стратегическим планированием, контролем за их реализацией.

На этой базе мы могли бы широко объединиться, и тогда бы что-то сдвинулось в сознании нашего правительства.

Константин Бабкин: Действительно надо создавать такой штаб, двигаться вперед, и РАН должна сыграть здесь большую роль. Действительно надо требовать. Пока сигналов о том, что правительство готово меняться и менять вектор развития, очень мало. Надо продолжать нашу работу.

Передаю слово Оксане Генриховне Дмитриевой, это неперменный участник нашего форума, шестой раз, депутат Заксобрания Санкт-Петербурга. Сегодня она именинница. Поздравляем вас!

[00:50:48]

Оксана Дмитриева: Все предыдущие выступающие так или иначе говорили о стратегии и обосновании того, что у страны нет стратегии экономического развития. Мое выступление будет посвящено тому, что у страны нет не только стратегии, но и тактики. И даже нет четкого анализа и диагностики, в каком состоянии находится сейчас экономика. То ли это рост, то ли стагнация, то ли продолжающийся кризис. Я назвала свое сообщение «Экономический рост, который трудно обнаружить» или «Экономический рост, который никто не видел».

Если мы считаем, что кризис наш рукотворный локальный начался в 2014 году, какие последние тенденции? Продолжающаяся тенденция с самого начала кризиса – дорогой кредит, отсутствие налогового стимулирования, сокращение платежеспособного спроса населения.

Последние два года, особенно последний год, появились и новые тенденции. Первое, то что девальвация, которая дала определенные позиции для экономического роста, уже в 2016 году сменилась укреплением рубля. Мы видим в 2017 году единственный и основной источник роста – опять экспорт и повышение цен на нефть, все то же самое, по-другому экономика расти не может. И появился очень печальный факт, то что роль прибыли, который имел место в 2015-2016 годах сменился падением прибыли. При этом тот совершенно астрономический рост прибыли, который был 158% и потом 137% в предыдущие годы, он не дал инвестиции. Все время потерянная конъюнктура, потерянные возможности. И в этом кризисе это огромный рост прибыли, который мы прозевали и не использовали.

Инвестиции растут. Первый год они выросли, но при этом объем работ в строительстве падает, поэтому вопрос, что это за инвестиции.

Инфляция низкая, но кредит по-прежнему дорогой.

И если говорить о социальных факторах, мы снова перешли в 2017 году в зону отрицательного естественного прироста. И 2018 год – это первый бюджет, в котором по номинально объемы номинальные и расходы меньше, чем в предыдущие годы. Это показатели.

Теперь денежно-кредитная политика, о которой здесь говорилось. Хочу зафиксировать, что на самом деле Центральный банк и ключевая ставка – это самые дорогие... Потому что деньги, которые приносит в банковскую систему население, они существенно дешевле. Это самые дешевые деньги. Деньги, которые на остатках депозитов юрлиц, это тоже деньги дешевле, чем деньги ЦБ.

[00:55:01]

Фактически нет разницы между кредитами и депозитами населения, разница составляет 16 трлн рублей. Когда мы планируем варианты специального финансирования из ЦБ, мы забываем, что вообще-то денег в банковской системе куры не клюют, банки завалены дешевыми деньгами. А дальше они, к сожалению, не идут или идут по очень дорогим ценам, потому что маржа по физлицам составляет 8-12%, а маржа по юрлицам – 3-6%.

Что касается ключевой ставки, понятно, что каждый из них живет собственной жизнью, инфляция и ключевая ставка, никакой зависимости между ними нет. И ключевая ставка, единственный ее смысл – оправдание дорогих кредитов для банков. Потому что она не влияет ни на инфляцию, и даже плохо влияет на ликвидность, потому что, как было показано, основную дешевую ликвидность приносит в основном население и юрлица.

При этом мы уже говорили ранее, что огромные средства в начале кризиса были потрачены на докапитализацию банков и пресловутое насыщение банков ликвидностью, хотя никакой необходимости в этом не было.

Когда сейчас очевидно, что никакой опасности банковского кризиса нет, никакой необходимости в банковской ликвидности нет, но если кризиса нет, то его нужно создать. Поэтому вся идея санации банков, на мой взгляд, это искусственно создаваемая нестабильность в банковской системе, и возможность потратить огромный объем средств. Только через АСВ в 2016-2017 гг. было потрачено около 2,5 трлн рублей, а Фонд консолидации банковского сектора – 1,5 трлн. Мы видим, если вначале увлекались насыщением системных банков ликвидностью через докапитализацию за счет бюджетных средств, то теперь сменилась перекачка средств в банковскую систему через санацию уже несистемных банков и тех, которые не влияют на состояние банковской системы принципиально.

Последнее, что хотелось показать, это различные варианты экономического роста. Вся система государственного менеджмента, государственной политики может расти только одним способом – за счет роста цены на нефть и нефтяного экспорта. При этом есть периоды с 2001 по 2008 годы, когда рост ВВП сопровождался ростом реальных доходов населения. Более того, фактически на какой-то стадии рост доходов населения стал драйвером экономического роста.

Примерно так же происходил выход из кризиса 2008-2009 года, поскольку реальные доходы не падали, и тоже поддерживали экономику на плаву.

Принципиально иная ситуация сейчас. Мы видим, что кривая реальных доходов населения, ломаная, она существенно ниже, чем индекс физического объема ВВП, и это дополнительный долгоиграющий тормоз экономического роста, экономического развития.

Прежде чем говорить о стратегии, нужно привести экономику и систему экономического государственного менеджмента в то состояние, когда экономика отвечает на определенные сигналы. Стратегия может быть одна или другая. Но тут полное отсутствие стратегии исключительно следование естественной конъюнктуре: есть рост цен на нефть – будет экономический рост, большой рост цен на нефть – будет еще что-то оставаться на рост реальных доходов населения. Маленький рост цен на нефть – не будет ничего оставаться на рост реальных доходов населения, и не будет оставаться ничего для социальных программ за счет бюджета. Вот и все, два рычага, все очень просто.

Конечно, нужно кардинальное изменение всей системы экономического менеджмента, но для начала нужно проанализировать, где мы находимся, в каком состоянии находится экономика, платежеспособный спрос, доходы населения и все остальное. Спасибо.

[01:01:41]

Константин Бабкин: Спасибо. Вы напомнили, что ЦБ сам создает дыры в банковском секторе, и сам их заливает деньгами. Астрономические цифры, в прошлом году только 4 трлн рублей за два года было потрачено на латание дыр в банковском секторе. Александр Михайлович, какой бюджет годовой РАН?

Александр Сергеев: Поскольку я являюсь президентом уже полгода, мне стыдно произнести эти цифры, но бюджет РАН в 2018 году меньше 4 млрд рублей. С учетом тех стипендий, что получают члены академии. То есть реальные деньги, которые РАН имеет на все вопросы стратегического планирования, научно-технологическую, социально-экономическую области, раскрутку новых проектов, прогнозирование – меньше 1,5 млрд рублей.

Константин Бабкин: Одна тысячная бюджета латания банковских дыр, которые вообще ушли в никуда.

Оксана Дмитриева: Которые сами создали, сами залатали.

Константин Бабкин: Никто ничего не почувствовал, раз – и нету. Причем эти деньги заработаны тяжелым трудом граждан России. Мы обсуждаем здесь не игрушки, а очень масштабные серьезные дела, напоминаю вам, коллеги.

Гнатышин Виталий Иванович, генеральный директор Читинского керамического завода «Мир», человек, который на практике осуществляет действие экономической политики.

Виталий Гнатышин: Здравствуйте, уважаемые участники МЭФ!

Думаю, надо побыстрее определяться со стратегией, побыстрее укреплять нашу экономическую политику, — а правильнее было бы, наверное, ее менять, — потому что наше предприятие, которое я представляю, наверное, не доживет до лучших времен. Я приехал из далекого Забайкалья не за рейтингом, не за какой-то победой. Я просто приехал рассказать о судьбе нашего предприятия, молодого, нового, построенного с чистого листа, за которое у меня огромная боль и переживание. За тех работников, что работают у нас на заводе, за работников соседних заводов и предприятий – их не так много осталось. У них у всех семьи, они все хотят жить и работать на Забайкальской земле, в процветающем Забайкалье.

Я родился и вырос на Украине, и после окончания военного училища в Киеве, был направлен в Забайкальский военный округ. Более 30 лет я живу в этом прекрасном районе, можно сказать, я уже практически родом с Забайкалья.

[01:05:13]

Свой завод мы построили с чистого листа в Ивановской степи под городом Читой. 14 лет назад это была просто голая земля, и вырос прекрасный завод, который производит замечательную продукцию – керамический кирпич, крупноформатные блоки, которые являются экологически чистым теплым стеновым материалом.

Наша продукция очень конкурентоспособна и востребована не только в Забайкалье, но и соседних регионах. С 2015 года мы поставляем нашу продукцию в Монголию. Для производства кирпича мы используем местные месторождения глин, что позволяет выпускать нам очень качественный энергоэффективный экологически чистый продукт.

Производством кирпича наш завод «Мир» не ограничивается. Сейчас наша команда работает над реализацией проекта строительства нового микрорайона, где на сегодняшний день уже построено и сдано 1500 квартир, в ближайшие годы будет построено и сдано еще 1500 квартир. Это свыше 120 тыс. квадратных метров.

У нас множество планов, идей, проектов. Я и мои коллеги хотим жить и работать в Забайкалье, делать регион лучше, комфортнее и привлекательнее.

Но давайте называть вещи своими именами. Экономическая политика, которая проводится на сегодняшний день, способствует далеко не развитию, а торможению и отчасти деградации.

Действующие политики любят говорить о том, какой был ужас в советские времена. Но вот в условиях этого ужаса в Забайкалье работало огромное количество предприятий. Не от нас уезжали, а к нам приезжали, и рост постоянный до 1990 года. В советское время был мощный производственный комплекс в нашем регионе. Чего стоил только Читинский камвольно-суконный комбинат, который выпускал прекрасную костюмную ткань, которую знала вся Россия. Сегодня на его месте просто руины.

Был машиностроительный завод, был Жирекенский Горно-Обогатительный комбинат, Шерловогорский горно-обогатительный комбинат по добыче олова, Первомайская обогатительная фабрика, Борзинский и Нерчинский мясокомбинаты, Мордовский, Жердевский завод по изготовлению бетонных конструкций... Я долго мог бы перечислять, но этих предприятий нет в помине.

А что построено за 20 последних лет? Ровным счетом почти ничего. Вот наше предприятие. Производственная мощность нашего завода – 40 млн штук условного кирпича в год. Однако сегодня мы реализуем кирпич и производим в два раза меньше. По итогам 2017 года мы произвели и продали 16,5 млн штук кирпича. 6 месяцев завод работает – 6 месяцев, мы вывели работников на вынужденный просто. Хуже нет, чем говорить работнику, что пока работы нет.

И что печально, прошло 6 месяцев, буквально вчера запустили нашу линию – почти никто никуда не ушел и не уволился. Работы нет. То есть кто принимает эти законы, наверное, они не смотрят дальше своих московских кабинетов. А Россия – это и есть наше предприятие. Если наше предприятие будет процветать, будет процветать вся Россия. Для чиновников Забайкалье – это где-то там, на границе с Китаем, какая-то заоблачная полумистическая Даурия. А то, что здесь люди живут и хотят работать, никого не интересует. Нас никто не слышит.

[01:10:01]

Душат ценами на топливо и электроэнергию, дают налогами. Мы за 1 кВт электроэнергии платим 5 рублей 23 копейки по производственной деятельности и 6 рублей 16 копеек, занимаясь строительством. Вдумайтесь в эти цены. При этом цены на наш кирпич мы не меняем с 2013 года.

Лично я был крайне удивлен – хотя что тут удивляться? – нужна была огромная шестерня, позвонили в Германию, ребята анализировали ситуацию, восемь лет назад стоимость метровой в диаметре шестерни – 20 731 цена. Прошло восемь лет, приносят счет – точно такая же цена. Вот это стабильность. Никаких разговоров, а настоящая стабильность.

Цены на электроэнергию за три года повысились на 28%. На уголь на 25%. На дизтопливо на 26%. И это нам не кажется, это реальные цифры.

Для сравнения с соседней Бурятией, Иркутск, там более благоприятная обстановка, в Иркутске для аналогичного нашему производству – 1 рубль 88 копеек. Кто регулирует эти

цены? Почему так? Какое тут равноправие для производителя? Какие равные условия? Я не могу этого понять, в голове не укладывается.

То же самое с ценами на ГСМ. Никто не занимается этим регулированием. Тарифы на тепловую энергию, водоотведение, на мой взгляд, тоже неоправданно высокие. Отдельная проблема с ресурсоснабжающими организациями. Мы еще строим, для нас это важный момент. На сегодняшний момент, чтобы подключить дом к ресурсам, необходимо не менее 30 млн.

Я прочитал всю программу «Партии дела», очень понравилось, и я думаю, то что делает Константин Бабкин со своей командой для производства и для политики – это большое дело. Павел Николаевич, молодец. Ребят, надо двигаться, надо что-то делать. Надо экономическую политику точно менять. Спасибо.

Константин Бабкин: Спасибо, Виталий Иванович. Яркая иллюстрация. Как можно производить кирпичи или другие изделия, если у вас электричество на 40% дороже, чем в Китае или железнодорожные перевозки дороже на 40%, чем в Казахстане. Кредиты неизмеримо дороже, чем в других странах и так далее.

Напоминаю, мы говорим не об абстракциях, а о реальных человеческих судьбах, о миллионах.

Нигматуллин Роберт Искандерович, РАН, научный руководитель Института океанологии им. Ширшова.

Роберт Нигматуллин: Дорогие товарищи, коллеги!

Должен выразить удовлетворение, что впервые на нашем форуме принимает участие президент РАН. Это чрезвычайно важно. Мы с Александром Михайловичем отстаиваем физико-математические науки, но сейчас центр решения проблем нашего отечества лежит в общей социально-экономической сфере. Поэтому, конечно, академики должны осваивать эту сферу, чтобы оказывать соответствующее давление и влияние на руководство нашего общества и руководство страны.

Когда говорится о новом технологическом укладе, как-то все это усиливается, нано, био, а на самом деле все это должно выразиться и в машиностроении. Россия без машиностроения – это не Россия. Да, новые знания, это все да. Но я бы сравнил нашу ситуацию с автомобилем: есть водитель и двигатель, я об этих двух местах буду говорить. Чтобы ускорить автомобиль, должен быть квалифицированный водитель и соответствующие мощности двигателя. Водитель, во-первых, это президент страны, правительство и научно-техническое сообщество. И должен признать, что все три эти составляющие не удовлетворяют требованиям России. Мы должны повысить требования ко всем трем составляющим, прежде всего к президенту, правительству и нашему научно-техническому сообществу.

[01:15:22]

Про ошибки, которые делает руководство страны, мы все это себе представляем. Но и научно-техническая сфера тоже, к сожалению, не проявляет соответствующую бдительность, и оценка топ-менеджмента, топ-чиновничества отрицательная, но и оценка научного сообщества тоже невысокая. И руководство России, президент страны должны разработать экономические и политически-гуманитарные предпосылки для развития страны. И пока таких существенных предпосылок нет.

[01:15:59]

О двигателе. Мы должны правильно разделить национальный доход. Это инвестиции в основной капитал. Сейчас они составляют примерно 17%. Если мы хотим обеспечить цели, которые провозгласил президент Владимир Владимирович Путин, 5% ВВП, это значит, мы сейчас на 1% ВВП должны на 1,6% увеличить инвестиции в основной капитал, и до 5%, с 17% до 25% увеличить инвестиции в основной капитал, иначе ничего не будет. Как в 2011 году цели, которые провозгласил Владимир Владимирович Путин, многие недостигнуты. И чтобы достигнуть, нужно поменять модель развития экономики.

Второе. Обеспечить платежеспособный спрос. Это значит зарплата 90% трудящихся, и она должна стремиться постепенно к 0,6 от ВВП. Ну, 0,5.

Еще важное обстоятельство – баланс издержек цен и оплаты труда. У нас нет этого баланса. У нас недофинансируются сферы простого народного продукта и перефинансируется топливно-энергетическая составляющая. И конечно, подъем уровня народа. Александр Михайлович сказал, что мы 30 лет мучаем свой народ. И дело не в ЕГЭ. Нужно вернуть хотя бы аттестат зрелости. ЕГЭ – это мелочь. Вернуться к аттестату зрелости, то, что определяет человека со средним образованием.

И еще нужно понять, что главные инвесторы экономики – это народ, который оплачивает по сбалансированным ценам из своей сбалансированной заработной платы. Павел Николаевич в своей программе неоднократно говорил, что основной инвестор сельского производителя – это городской житель с нормальной сбалансированной заработной платой. А с этим делом у нас печально.

Недавно ВТБ провел исследования, оказывается, у нас только 7% населения, трудящихся, получает доходы и зарплату более 70 тыс. рублей. Мы должны понять, что если у народа, 93% населения, зарплата меньше 70 тыс. рублей, а больше чем у половины меньше 20 тыс. рублей, ему экономический рост не нужен, он все равно ничего не купит. И в то же время менее 0,5% населения, по разным оценкам, их общий доход около 10 трлн рублей. Вот эти дыры наряду с дырами, о которых сказал Сергей Юрьевич, финансовыми, они не делают возможным наш экономический рост.

Конечно, оседлание сверхдоходов, сверхбогатства является актуальной проблемой. Причем не нужно менять плоскую шкалу налогов для 99% населения. Давайте возьмем хотя бы 0,5% и сбалансируем. Это не борьба с богатыми, они богатыми останутся, но эти средства нужно переводить в социальную сферу, которую представляет средний класс. А

ориентиром для этого, во всех индустриальных странах минимальная зарплата около 1000 литров бензина. Прикиньте, сколько стоит бензин, и какая минимальная зарплата в разы этому не удовлетворяет. И это тоже поэтапно, достаточно интенсивно нужно к этой цифре двигаться.

Стоимость народных продуктов. Сколько стоит примерно килограмм простого хлеба? У нас примерно 1-1,5 литра. А весь индустриальный мир за килограмм хлеба отдает 3-4 литра бензина. Вот вам проблема с сельским хозяйством и его недофинансированием. И это, конечно, касается не только сельского хозяйства. Вот крик из Забайкалья, беда, что у нас перефинансируется топливно-энергетический комплекс, а министры говорят, что у нас самое дешевое топливо и самая дешевая электроэнергия по банковскому курсу. Ну не по банковскому курсу это надо оценивать, а по паритету покупательной способности. А здесь мы самая дорогая страна мира.

[01:20:20]

Конечно, реформы, о которых мы говорим, должны проходить достаточно интенсивно, но не шоковым образом. Примерно 3% ВВП в год должно перераспределяться, иначе не будет развития экономики.

Наконец, про здравоохранение. 80+, Александр Михайлович говорил, мы должны стремиться к средней продолжительности жизни 80 лет. А сейчас у нас при том же ВВП с новыми странами Европы примерно на душу населения, мы теряем по сравнению с ними с 1990 года ежегодно населения на 200 тыс. больше, чем по нормам новой Европы, это и бывшие социалистические, и прибалтийские страны. И на 400 тыс. в год больше по нормам старой Европы.

Мы сейчас ругаем старую Европу, их лидеров, справедливо их ругаем. Но мы должны режимы, которые в европейских индустриальных странах выработаны, к ним тоже идти. Иначе никаких 78 средней продолжительности жизни у нас не будет.

Здесь показан график, обратите внимание, эти точки – падающие линии. Это затраты на душу населения в долларах по паритету покупательной способности, синие точки. Как только мы увеличиваем финансирование на здравоохранение, так сразу смертность падает. Сейчас это примерно 20 тыс. рублей в год на душу населения, затраты на здравоохранение. Их надо увеличить до 40 тыс., тогда мы спустимся до уровня стран старой Европы по смертности, и тогда мы обеспечим задачу, которую мы ставим, чтобы россияне жили дольше.

Затраты у нас на социальную сферу, на здравоохранение, образование, науку и культуру, у нас 10% ВВП. Вся Европа – 25%. 25%! Куда деваются эти 15%? Вы уже чувствуете, куда они деваются. Это и есть благосостояние нашего народа, благополучие жизни.

И в конце должен сказать, что все-таки, конечно, мы любим свой народ, его духовный потенциал, но в основном, по-моему, мы сейчас концентрируемся на нашем прошлом и наших великих победах. И к сожалению, последние 30 лет, особенно в нашей стране и во

всем мире, этот идиотизм – это серьезная угроза. Мы должны усвоить простые вещи, их не так сложно понять.

Константин Бабкин: Спасибо. Ну да. Единственная проблема, которая нам мешает развиваться, сверху написана.

Грудинин Павел Николаевич, директор ЗАО «Совхоз им. Ленина», теперь его знает вся страна, весь мир. Человек, который совершил у нас на глазах в последние три месяца экстремальное путешествие, остался жив, свеж, хорошо выглядит, даже усы на место возвращаются. Пожалуйста. Что вы узнали за эти три месяца и как видите будущее?

Павел Грудинин: Вы должны знать, что процесс еще не закончился. Ко мне вчера приехали три человека, и все сказали: «Слушай, тебе так этого не простят». У нас шесть арбитражных дел, на нас наехала налоговая инспекция, вокруг крутятся люди, которые хотят возбудить уголовные дела.

Но главное другое. В теме дискуссии записано: каких перемен ждет российское общество и российская экономика? Мы понимаем, что мы на пороге перемен. Я считаю, что эта избирательная кампания показала – я не имею в виду Владимира Владимировича Путина, у которого не было экономической программы, а вот все остальные программы, либеральная и другие, все проиграли. И социалистическая, социальная программа, которую предложила КПРФ и Национально-патриотический фронт, национально-патриотические силы, она победила. Людям хочется, чтобы было справедливое распределение доходов и полезных ископаемых. Людям хочется, чтобы была прогрессивная шкала налога. Людям хочется, как записано в Конституции, чтобы бесплатное здравоохранение и бесплатное образование было не только в Конституции, но и в жизни.

[01:25:16]

Людям хочется, чтобы была справедливость, в том числе в распределении прогрессивного налога. Богатые и так, и так в любой стране платят больше, чем бедные. И людям этого хочется.

Когда мы с Борисом Юрьевичем были у президента, я сказал: «Я проехал 20 регионов России, 40 тыс. километров пролетел – огромный запрос на перемены. И куда бы вы ни приехали, везде одна и та же ситуация: заводы и фабрики разрушены, перестроены в торговые центры». Главным драйвером роста является торговля, а не производство. Производство убито тарифами, налогами, ребятами в погонах, которых стало огромное количество.

Мы когда-то на МЭФ с Потапенко выступали и говорили о проблемах. Проблемы никуда не ушли. Точно так же на нас висят правоохранительные органы, любому возбудят уголовное дело, если он, не дай бог, еще высунулся. Точно так же ужасное засилие административных процедур. Невозможно вообще понять, они пишут и пишут какие-то нормативы, а потом их просто применить невозможно.

Вот вам пример, один приходит и говорит – закрой все двери. Другой приходит – открой все двери. И оба наказывают. И ты уже не знаешь, что сделать с этим бизнесом. А в этот момент у народа денег вообще нет. Народ загнали в нищету и говорят: «Производи продукцию». Я директор совхоза, в 2008 году государство сказало, что у нас есть национальный проект развития села, дало денег на покупку коров, на строительство ферм. А после этого взяло и стало ввозить пальмовое масло. И в этом году заключен контракт на то, что мы поставляем в Индонезию самолеты, лучшие наши, Су-35, оттуда в качестве оплаты получаем пальмовое масло, и естественно, оно становится молочным продуктом.

И кто же виноват в этом? Один министр говорит, что мы будем до последнего патрона отстреливаться и бороться с фальсификатом, а другие тихо ввозят огромное количество пальмового масла и гробят молочную промышленность. Цена на молоко в некоторых регионах упала в этом году на –4 рубля. Плюс к этому нагрузки делают: «Меркурии», «Платоны» и все остальное. И сидишь, думаешь – какой-то разрыв в сознании. Правительство РФ, которое обязано, на мой взгляд, делать все, чтобы экономика развивалась, делает все, чтобы экономика умерла. А президент РФ говорит: «Они неплохие ребята, они неплохо поработали, побороли инфляцию». Лучшая инфляция на кладбище, там ее вообще нет. Только когда народ ничего не покупает, производить кирпичи, молоко, землянику бесполезно, это невозможно.

Поэтому мы все сидим и ждем перемен. А перемены в ближайшее время произойдут, они не могут не произойти, после инаугурации президент скажет, какой экономический блок [01:28:29] у нас есть. Но если он опять либеральный, если опять можно штукатурить как угодно эту стенку, но она уже гнилая насквозь и разваливается, невозможно жить, когда у тебя тарифы все время растут, а зарплата все время падает. Реальные доходы населения упали. И мы не можем производить ничего, потому что никто не покупает. Зачем это нужно? А нам привозят суррогаты, потому что это выгодно, потому что там еще и дотируют, сюда ввозят.

Мы проиграли конкурентную борьбу всем без исключения, даже Белоруссии и Казахстану. Мы не видим этого, что ли? Сколько бы экономистов не выступало, инвестиции поступают в банки. Оксана Генриховна показала, за два года 4 трлн рублей попало в банки. А в производство из этих 4 трлн что попало? Да ничего. Когда приходишь в банк, тебе говорят, что ты невыгоден в принципе, ты неконкурентоспособен. И чтобы ты ни произвел, ничего не купят.

Поэтому общую ситуацию надо менять. Вопрос, как это сделать? Мы все молимся, что президент нас услышит, и эта программа «20 шагов», которая была востребована, по всей территории, куда ни приезжал, залы такие и еще больше, люди в проходах стояли. Они хотят изменения в экономической ситуации страны. Невозможно жить все время в бедности. Мы загнали всех в кабалу кредитную, кредитную, ЖКХ все должны. Это невозможно. Надо что-то менять. Вопрос, что? Мы говорим, что у нас есть программа, мы хотим правительство народного доверия, Борис Юрьевич это все слышал. Мы хотим,

чтобы экономическая ситуация стимулировала производство и покупку. Нам говорят – подождите. Мы сейчас еще разрабатываем. Кудрин ходит, ЦСР разрабатывает. Слушайте, они нас удуют окончательно, мы тихо идем в пропасть.

[01:30:21]

Но два или три года назад мы с Дмитрием Потапенко говорили, что так нельзя, мы дошли до края. Край, оказывается, совсем рядом, еще какое-то движение есть. Нам так или иначе надо консолидироваться и сказать: новое правительство (потому что старое – это бесполезно), есть ученые, Нигматуллин, Глазьев, какую угодно стратегию примите. У людей должны появиться деньги, а у предприятий смысл производить. Все эти великие Роснефть и Газпром должны попасть уже в государство обратно и вернуть все деньги. Ну, хотя бы не вернуть, хотя бы те, что получают. Потому что Советский Союз, мы об этом все время говорит, хватало денег при даже низкой цене на нефть на все, в том числе на модернизацию производства, мы даже каким-то иностранным государствам помогали со страшной силой. А теперь денег не хватает ни на что. Объясните, где деньги?

Эмоциональное выступление, но понятно одно: в ближайшее время экономическую политику надо поменять в сторону людей и производства. Если мы этого не сделаем, боюсь, произойдет то же самое, что с Советским Союзом произошло 20 лет назад. Я надеюсь на лучшее и надеюсь, все вместе надеемся, что новый президент выберет новое правительство, которое новый экономический курс нам предоставит в ближайшее время. Спасибо за внимание.

Константин Бабкин: Спасибо, коллеги, за интересные выступления. Мне кажется, все сказано, все согласны, что потенциал большой, что ситуация нас не удовлетворяет, что стратегия нужна, и стратегию надо принимать. Понятно, в чем эта стратегия заключается. В России нужно создать условия для созидания. Дискутировать не о чем, все понятно.

Давайте вопросы из зала.

Павел Грудинин: Пока дам справку: на всю РАН потратили 4 млрд. «Совхоз Ленина» за год на детский сад и школу потратил 2,5 млрд. Понимаете объемы? Великая страна с учеными – а я побывал в Уральской академии наук, в Новосибирской, я видел этих ученых, они действительно великие люди за такие копейки работать. И им все время майские указы подписывают так, чтобы они выдержали норму, но на самом деле норму они не выдерживают зарплатную.

Владимир Евсеев: Я представляю Союз промышленников и предпринимателей Санкт-Петербурга, являюсь федеральным экспертом АСИ. Изменить экономическую политику – это правильно. Но нам представляется, что у нас в стране нет и промышленной политики, хотя есть соответствующий федеральный и региональный законы. Предусматривается ли как-то эти вопросы поднимать на верхний уровень власти?

И предложение. Все, что сегодня было сказано, за что огромное вам спасибо, будет в каком-то концентрированном виде доведено до первого лица нашего государства.

Мужчина: Если говорить о нашей стратегии, она состоит из трех главных направлений. Институциональная реформа, нужны суды, нужно новое отношение с регуляторами, снять нагрузку административную. Второе направление – макроэкономика, курс, ставка, тарифы. А есть микроэкономика, где я показывал карту, где кластерные инициативы, это и есть наша промышленная политика, тот путь, по которому, как мы видим, необходимо развиваться экономике. Это как раз те проекты, которые должны стать руководителями роста.

Константин Бабкин: А насчет президента, достанем или нет, история показывает, что если миллионы людей чего-то хотят, это рано или поздно происходит. Это один путь. Второй путь, более короткий, но менее реалистичный, у нас есть помощник президента, омбудсмен при президенте, президент РАН, люди, которые периодически встречаются с президентом. Могут, наверняка передают свои мысли на самый верх, но пока медленно это достигает реализации.

[01:35:22]

Тем не менее наш форум ориентирован на то, чтобы через миллионы мозгов мы достучались до общества и до власти.

Мужчина: Два вопроса. Химия в России абсолютно не развита. Вы знаете, что Китай и Германия очень сильно развились за счет химической промышленности, тонкой химии. Мы сегодня не создаем собственных молекул. У нас нет на это.

Я не услышал в выступлениях о развитии химического комплекса, который послужит основой всем отраслям в России. Спасибо.

Мужчина: Приведу пример. В рамках макроэкономической политики, которая реализуется в стране, задачи газо- и нефтехимии решаются так, что без иностранного инвестора ничего делать не можем. Допустим, завод стоит миллиард долларов, а бывает и больше. Типичный способ решения этой задачи – подтянуть иностранного инвестора, упротить региональные власти дать льготы, как-то оценить ресурсы, прежде всего землю, недвижимость, уговорить какой-то из госбанков поучаствовать в кредитном консорциуме, и попытаться собрать немного своих денег, хотя бы 10%.

Ключевым во всех капиталоемких проектах является иностранный инвестор, без которого мы могли бы вполне обойтись, если бы ЦБ проводил политику дешевого долгосрочного кредита. Все страны мира именно так финансируют свое долгосрочное развитие.

Но почему мы никак не можем добиться изменения экономической политики? Оксана Генриховна говорила, что прибыли падают. Они не везде падают. У нас гигантский рост прибыли у спекулянтов, в том числе иностранных, которые контролируют 70% финансового рынка. Рост прибыли у монополистов, про цены здесь говорилось. И те самые государственные банки, на которых мы рассчитывали, что они станут проводниками дешевого кредита, практически перестали кредитовать производственные проекты. Доля производственных инвестиций в портфеле наших банков не превышает 5%.

И занялись поддержкой спекулятивной деятельности, и превратились тоже в центры извлечения прибыли. Когда государственные банки становятся центром извлечения прибыли, показывая маржу 6-7%, это ростовщический средневековый вариант. Возникает вопрос, зачем мы эти банки создавали? У этой политики есть свои бенефициары, очень влиятельные и мощные, которые создают вокруг шлейф того, что мы обсуждаем, разные научные способы и задачи решения экономического роста.

Любая экономическая политика – это сумма интересов. Мы должны понимать, в чьих интересах проводится нынешняя политика. Это интересы крупного финансового капитала, который фактически сегодня присвоил проведение государственной экономической политики в своих интересах, стал крупнейшими центрами силы.

И перераспределение собственности. Десятки тысяч обанкротившихся предприятий за последние четыре года из-за повышения процентных ставок стали легкой добычей банкиров, и вокруг них находящиеся рейдеров. Считаю, пора вещи называть своими именами, кто мешает экономическому росту.

Владимир Решетняк: Директор агентства «Стратег», координатор агропромышленного клуба «Земляне». От имени и по поручению клуба, как в анекдоте, «командир, тебе пакет», пакет двум кандидатам недавним в гаранты благополучия и процветания, Борису Юрьевичу и Павлу Груднину. Три вопроса, которые мы ожидали от них в период предвыборной кампании.

Какова миссия России в третьем тысячелетии в вашем понимании?

Каков, на ваш взгляд, прожиточный минимум человека разумного на планете Земля?

И какие моральные качества вы почитаете духовными ценностями? Спасибо.

[01:40:11]

Роберт Нигматуллин: Коллеги, мы ориентируемся на индустриальные страны – это Европа, Северная Америка. Там минимальный доход, обеспечивающий минимальные потребности, примерно 1000 литров бензина. Значит, нужно снижать цены на бензин и повышать заработную плату для бедного и среднего класса. Ориентир такой. Может, где-то 800-900 литров, но не 200, как у нас.

Павел Груднин: Такие глобальные вопросы поставили насчет ценностей. Мы выработали свои ценности, которые даже назвали национальной идеей на этих выборах. Мы считаем, что работающий человек бедным быть не должен. Наверное, это главное, что могло бы объединить людей у нас в стране.

Женщина: Мы получили президентский грант на проект инвентаризации земельных строений и линейных объектов. Но столкнулись с тем, что этому проекту противостоит само Министерство экономического развития РФ и Комитет Госдумы по земельным ресурсам. Почему это происходит? Сейчас каждый из вас стоит перед одной дилеммой:

будете вы завтра собственником своего дома, земельного участка, с тем что у нас 75% ошибок в госреестрах. Как решить этот вопрос? Как устранить это противоречие, которое сейчас создается специально, чтобы не дать людям защитить их права. Вот каждый пытается сказать – у него не будет работать завод, у Грудинина не будет завтра земли... Сейчас проблема с этим.

Оксана Дмитриева: Здесь один вопрос вытекает – это все те расходы, которые были осуществлены государством на кадастровую оценку, как земель, так и городской недвижимости. В совокупности несколько сотен миллиардов было выделено, чтобы откадастрировать земельные участки и городскую недвижимость, и потом ввести налог.

Более того, деньги были потрачены, но все равно, чтобы получить кадастровый паспорт, люди должны все равно еще уплатить. А потом выясняется, что весь этот механизм, все огромные расходы на кадастры, чтобы перейти к налогу на имущество физлиц от кадастровой стоимости, как нам объяснил президент в послании, что это плохо сделано, потому что цены не соответствуют и иногда превышают рыночную стоимость, и это все ложится неподъемным бременем на население.

Константин Бабкин: Резюмируя, получается, опять отсутствие стратегии и внятного подхода.

Оксана Дмитриева: Нет, вначале какая-то идея, кампания без анализа того, к чему это приведет и зачем это нужно. Потрачены огромные деньги, создано бесконечное количество структур, а потом выясняется, что это не нужно и более того вредно.

Мужчина: Вопрос с наличием стратегии и ее отсутствием. Я уже тридцатый год слушаю про разные стратегии: 2010, 2020, 2055, какая хочешь дальше. Как физик, берусь утверждать четко: стратегия без технологии – это свадьба без невесты. Секс будет, ребенка нет. Вопрос: у кого-нибудь из спикеров есть технология реализации стратегии, которую они предлагают? Уверен, ее нет.

Оксана Дмитриева: Конечно. Думаю, у всех она есть. Когда предлагается стратегия, в самой стратегии уже содержится технология и механизм. В основном разница между стратегиями – это не разница в целеполагании, это еще разница в методах и инструментах, которые используются. Например, цель – экономический рост. Инструменты – снижение налогов, выделение мегапроектов, отраслей специализации, дешевые кредиты и как обеспечить. Стратегии и отличаются разными технологиями.

[01:45:54]

Константин Бабкин: На сцене стоят люди, за которыми стоят предприятия, научные учреждения, которые доказали на практике, что они умеют воплощать на практике теорию.

Мужчина: Просто слово «стратегия» у нас иногда все употребляется, и все считают, что это некий общий документ, общая картина, что у нас будет, как мы хотим. Стратегия – это

четко научный документ. Есть наука о стратегиях. Стратегия специально структурируется системно, там есть правила, как она должна строиться.

Стратегия работает на уровне компании, регионов, стран. Таких стратегий было принято много, но они все сделаны технологично, в соответствии с той наукой.

Наша стратегия, стратегия роста, тоже сделана с такой технологией, структурой, которую делала профессиональная компания, которая профессионально занимается стратегией, Strategy Partners, хотя название английское, это российская компания. Она делала стратегии для Казахстана, в Финляндии, по многим регионам, делала компаниям. По секрету, делала одной компании, которая называется «Абрау-Дюрсо». Откуда я еще знаю, что такое стратегия, потому что они нам сделали ее в 2006-2007 году. В результате с 3,5 млн бутылок мы выросли до 30,7 млн в прошлом году. То есть она нам дала четкий план, куда идти, за счет какого рынка, потому что до этого проанализирована ситуация по всему рынку России и мира в этом сегменте. И также мы делали стратегию, четко по плану. Кончается это все дорожными картами, конкретными предложениями, которые между собой все увязаны и просчитаны.

Павел Грудинин: У нас есть технология производства земляники. Анекдот, когда зайчики по лесу бегали и все время все жрут. И надо что-то делать. Пришли к сове: «Ты самая умная, скажи, что делать» – «Станьте ежиками» – «Подожди, но как?» – «Я вам стратегию сказала, а с технологией вы разберетесь сами».

У нас есть стратегия, а есть технология полковника Захарченко, у которого 8 млрд, а у нас, с нашей стратегией, ничего нет. Он прав, что нам нужна не только стратегия, но и технология ее реализации. У нас, к сожалению, человек в погонах может любую стратегию нарушить.

Мужчина: Об этом опять говорит наука. Весь мир это проходил сто раз. Мы предлагаем создать штаб реформ, у которого есть четко прописанные функции. Весь мир шел, вот технология реализации стратегии. Это все в науке описано, в мировом опыте все давно было.

Мужчина: Тоже дам комментарий с другой стороны. У нас в научном сообществе и среди простого народа масса таких вопросов. Человек не вникнул, что здесь говорили люди, выходит – у тебя нет технологии, того, этого. Мы должны требовать не только повышения уровня президента и правительства, но и требования повышения уровня нашего народа, чтобы таких демагогических выступлений было меньше.

Олеся Кочеткова: Кандидат экономических наук. Витии обскурантизма эмануруют из гносеологического элиминирования. Предполагаете ли вы, что это детерминирует предел экономического мышления в нашей стране? Иначе: витии – ритор, оратор, эмануруют – проистекают, элиминирование – сокращение, гносеология – познание о бытие, детерминируют – определяют.

Константин Бабкин: Я не понял.

Мужчина: Разрешите я вопросом отвечу.

Мужчина: У меня вопрос к президенту РАН. Александр Михайлович, я вам посылал два письма по поводу самых современных научных знаний о мозге, которые здесь никто не сказал, которые преобразуют мировую цивилизацию во всех сферах бытия, сознания, мышления. Вы не изволили ответить ни разу. Хотя я получил отзывы президиума РАН.

Николай Смирнов-Милославский: Межрегиональное движение «За словом – дело». В бытность правления Дмитрия Медведева, младшего брата тандема, произведена была программа «Инвестиции, инновации и институты», представители которой сейчас находятся здесь, они участвовали в ее разработке. Был создан даже персональный омбудсмен не для самой незащищенной категории лиц, это Борис Титов. Вопрос к нему. Куда похоронили программу ЗИ?

Борис Титов: 4И, там еще инновации были. Тогда я был на КЭФ, не участвовал в разработке, я тогда возглавлял «Деловую Россию», когда впервые мы услышали эту программу. Честно говоря, были очень вдохновлены. Там впервые начали говорить действительно о поддержке инвестиций, об условиях ведения бизнеса в стране, создания делового климата, тарифах, налогах, инвестициях. И ничего. И с тех пор мы все ждем, кто чего сделает. Хоть одно бы И сделали.

Омбудсмена сделали реально, потому что все понимают, что такое давление на бизнес уголовное и административное, все рамки превзошло и зашкаливает. Хотя институт – это только маленькая песчинка, которая может помогать. Но хоть что-то мы в этом смысле сделали. Во всех остальных направлениях, прежде всего в экономике, сделали очень мало.

Мужчина: Во всех своих обоснованиях, прежде всего Борису Титову, вы ссылаетесь на иностранный опыт, но почему-то не учитываете особенности своей страны, прежде всего на физическом уровне. Был такой Андрей Петрович Паршев...

Борис Титов: Это не совсем так, мы его все-таки учитываем. В качестве доказательства могу привести, что межотраслевые балансы, которые Леонтьевым создавались, мы учитывались, мы учитываем очень многие вещи в экономике. И Сергей Юрьевич подтвердит, что мы очень тесно работаем.

Главное, что мы учитываем, опыт Столыпина. Изучив всесторонне опыт Столыпина, можно сказать, что у России огромный потенциал роста, если правильно достаточно простые вещи реализовать. Реализовать чувство хозяина в российском человеке, тогда все пойдет по правильному пути.

Константин Бабкин: Спасибо. Мы все видим большой потенциал и готовы его реализовать. Когда-то этот потенциал будет реализован. И еще одна акция, Александр Михайлович.

Александр Сергеев: Давайте завершим приятным. Хочу пригласить на сцену нашего гостя из Польши, господин Колодко Гжегож Витольд. Мне доставляет большое удовольствие объявить, что господин Колодко избран иностранным членом РАН, я хочу его с этим поздравить и пожелать дальнейших научных успехов, развития сотрудничества с российскими учеными, с нашей страной. Мне кажется очень символичным, что мне предоставляется возможность вручить этот диплом в рамках МЭФ.

[01:55:56]

Колодко Гжегож Витольд: Большое спасибо, получить этот диплом для меня честь, специально здесь, на МЭФ, и прежде всего в такие тяжелые времена, когда много проблем. Но что касается сотрудничества по науке, думаю, в будущем сотрудничество будет продолжаться. Надо, чтобы не только экономика работала на основах науки, но чтобы и политика чаще работала на основах науки, а не только на плохих эмоциях. Будет успех. Спасибо!

Константин Бабкин: Спасибо, поздравляем!

[01:57:14]